

DOI: <https://www.doi.org/10.36719/2663-4619/71/17-22>

Хуршида Ботировна Кадилова

Ташкентский государственный университет узбекского
языка и литературы им. Алишера Навои
доктор философии по филологии, доцент
kadirova.golden@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕМЕНЫ ЭВФЕМИЗМОВ И ДИСФЕМИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Ключевые слова: эвфемизм, дисфемизм, художественный перевод, речевая ситуация, сема, исходный язык, язык перевода, табу, синонимический ряд, перемена

Problems of change of euphemism and dysphemism in artistic translation

Summary

This article is devoted to the phenomena of exchange of euphemistic and dysphemetic units in the process of literary translation on the example of the Uzbek and Russian languages, which analyzes some of the causes of these problems. In it, euphemisms and dysphemisms occupy places on both sides of the synonymous row, and their place on the axis of the positive and negative poles is illustrated by examples. It is also argued that synonymous euphemisms have a hierarchy in their composition and that euphemistic units that were previously tabooed have turned into dysphemisms. The author emphasizes the importance of the skill of a translator who understands the mental culture and tries to preserve the spirit of the source language in the target language.

Key words: euphemism, dysphemism, literary translation, speech situation, seme, source language, target language, taboo, synonymous row, change

Введение

Особенность эвфемизмов и дисфемизмов состоит в том, что их социокультурные и нравственные ценности, мировоззренческие и мыслительные особенности отражаются не только в речи индивидов, но и в речевом портрете конкретного современного общества в целом. При переводе эвфемизмов и дисфемизмов, используемых в художественных произведениях, внимание переводчика должно сосредоточиться на правильной оценке некоторых явлений, принятых в обществе исходного языка, на определении того, что для них хорошо или плохо, приемлемо и не приемлемо. Из-за отсутствия контроля над х-фемой, связанной с культурными и социальными изменениями, возникает необходимость изучать эти изменения на регулярной основе. Литература, в частности художественный перевод, выступает как объект исследования поднятых вопросов.

Эвфемизмы используются в художественных текстах как один из методологических инструментов языка. По словам Москвина, в этом стиле эвфемизмы не только смягчают речь, но и выполняют эстетическую функцию. Но этого нельзя сказать о дисфемизме. (3) При его применении изобретается характер, национальная культура, воспитание говорящего. Придает ли он такому языку, как эвфемизм, художественную форму или юмористический эффект, или образ в создании ярких художественных личностей... в любом случае дисфемизм является законным методом, который может быть использован автором, и его использование в переводе для передачи исходного языка является спорным. В конце концов, он не может выполнять декоративную функцию в художественном тексте подобно эвфемизму.

Обратное применение эвфемизмов и дисфемизмов при переводе

При изучении номинативных единиц в лингвистике особое внимание уделяется коннотативному аспекту семантики. По мнению В.Н. Телия, коннотация – это смысловая сущность, которая относится к семантике языковых единиц узуально или okazjiально, и выражающая эмоциональную оценку и стилистическое отношение к действительности при выражении предложения речевого субъекта в сущности и согласно этому имеет экспрессивную ценность. (11) Соответственно, коннотация – это аспект, который зависит от отношения говорящего к средствам выражения бытия.

Известно, что выбор подходящей единицы в речевой ситуации и субъективной точки зрения зависит от говорящего. (10) В каждом языке имеется синонимический ряд слов с определенными понятиями. Например, понятие “лицо” (Юз, бет, чехра, рухсор, афт, башара, турқ) в узбекском языке используются больше 7и значениях в разных стилистических окрасках. Юз (нейтрально, художественно), бет (нейтрально, по отношению не человеческого лица), чехра (поэтично), рухсор (поэтично), афт (отрицательно), башара (грубо), турқ (грубо). В переводе, может быть, допускается потеря коннотативной модальности, но добавление, или, что наиболее важно, негативное изменение приводит к неправильному пониманию ментальной культуры исходного языка для читателя языка перевода.

“Шу дақиқа унда ҳам, бирдан айби очилиб, шарманда бўлган кишиларда юз берадиган ҳодиса юз берди. У сири очилгандан кейин хотини олдида **башарасига** қандай тус беришини олдиндан ўйлаб қўймаган эди.” (5) (В этот самый момент с ним случилось то, что случилось с теми, кого внезапно признали виновными и пристыдили. Он не думал заранее, как он будет выглядеть перед женой после того, как тайна будет раскрыта)

Предложение, которое выше указано, по существу выглядит следующим образом:

“С ним случилось в эту минуту то, что случается с людьми, когда они неожиданно уличены в чем-нибудь слишком постыдном. Он не сумел приготовить свое **лицо** к тому положению, в которое он становился перед женой после открытия его вины.” (6)

Использование любой языковой единицы – это уникальный стиль писателя, в котором важную роль играет его отношение к этой единице, специфика выбора слова и его употребления. При этом интерпретатору следует воздержаться от игры в «догонялки» с оригиналом, не придавать смысла единству нейтральной задачи и, самое главное, не вызывать дисфемического настроения.

В лексической парадигме юз, афт, бет, башара, турқ, чехра, жамол денотативная семантика всех членов одинакова: «человеческое лицо», «передняя часть головы». В семеме юз отсутствует коннотативная сема. Но в то время в семемах бет, афт, башара, турқ имеется коннотативная сема «негативного отношения», а семеммах чехра, жамол имеются коннотативная сема «позитивного отношения». (9)

Комментируя слово «бет», А. Ходжиев сказал, что оно очень близко к слову «юз», но имеет слегка негативный оттенок. Согласно градуонимии становится очевидно, что лексема башара занимает более низкое положение, чем лексемы бет. В синонимичных рядах эвфемические и дисфемические единицы занимают положительные и отрицательные полюса по отношению к ортофемической единице и различаются степенью выражения субъективного отношения. Поэтому целесообразно искать не градуонимию, а градацию (методологическую иерархию), которая отражает денотативную иерархию между этими единицами. Следовательно, методически переводчик ошибся, придав отрицательную окраску совершенно нейтральному выражению.

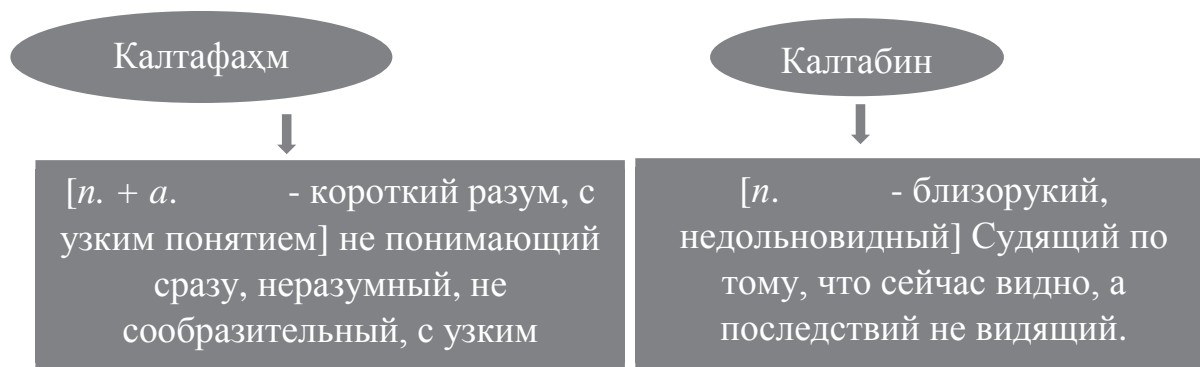
В следующем примере мы видим, что он заменил эвфемистическое выражение дисфемическим выражением.

“Она, это вечно озабоченная, хлопотливая, и **недалекая**, какую он считал ее, Долли, неподвижно сидела с запиской в руке и с выражением ужаса, отчаяния и гнева смотрела на него”

“*Ҳамиша ниманингдир гамини еб уриниб юрадиган, эрининг фикрича калтафаҳм ҳисобланган Долли хатни ушлаганича қимир этмай ўтирар, даҳшат, умидсизлик ва газаб ифода этган кўзлари билан эрига тикилиб қарар эди*”

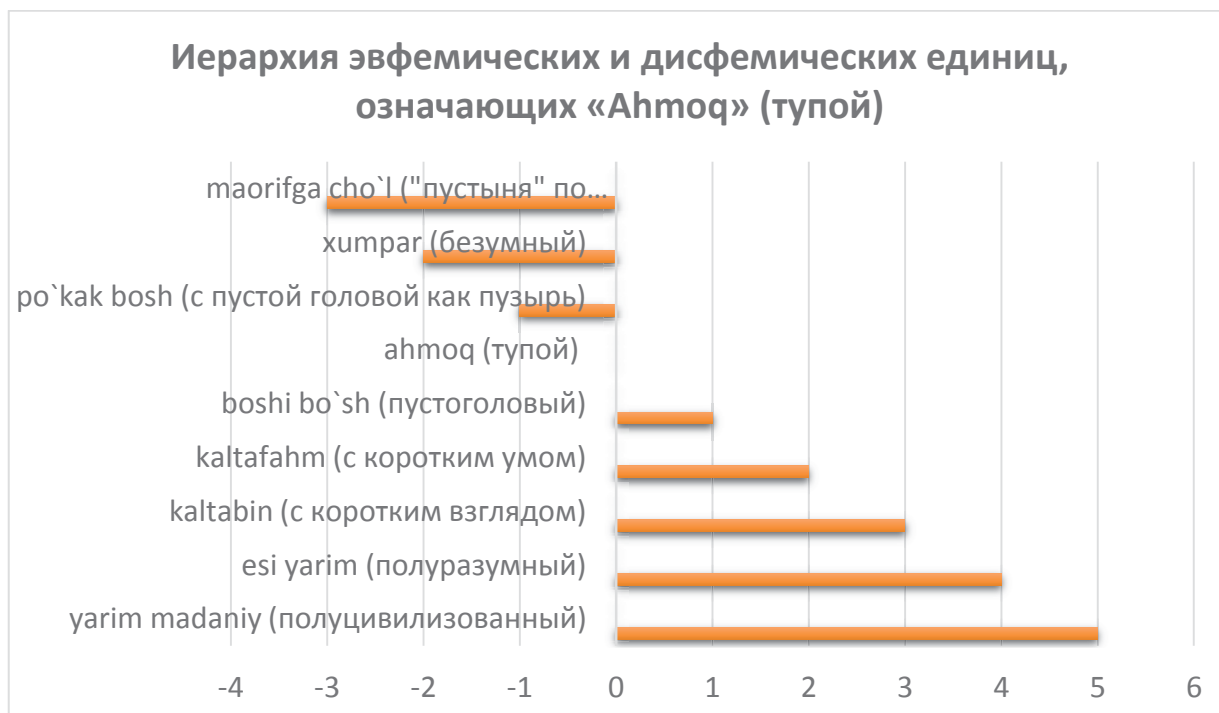
Обе единицы отличаются высокой и низкой дисфемической/эвфемистической оценкой иерархии в их родной территории. В частности, выражение *калтафаҳм* располагается в ряде таких понятий своей эквивалентностью выражению *недалёкий* от автора произведения, но отличается от него степень выражения более негативного отношения на языке перевода. Вместо этого выражение *калтабин* могло соответствовать в определенном смысле.

Сравним:

Таким образом, единицы *калтафаҳм* и *калтабин* позиционируются по признаку «роста отрицательной краски» в иерархии, и с этой позицией определяются их х-фемические свойства. Поскольку “*Калталиқ*” («краткость») является признаком «глупости», ее объем использования в ситуации часто представляет собой дисфемизацию, но по сравнению с ортофемическим *аҳмоқ* (глупый) в речи имеет большое значение своим эвфемистическим свойством.

Эти единицы занимают следующую позицию на оси координации с другими единицами, используемыми в работе Абдуллы Кадири.

Следует отметить, что в переводе произведения Абдуллы Кадири «Ўткан кунлар» единица *недалёкий* по отношению к Узбек аим использовано более уместно:

“Юсуфбек-хаджи, хорошо зная **взбалмошный** характер своей **недалёкой** жены, решил не рассказывать ей ничего о том, что произошло с Атабеком, не раскрывать его тайн, но счел необходимым предупредить Узбек-аим о приезде маргиланской невестки и ее родителей.” (1)

“Юсуфбек ҳожи **чала-думбул** табиатлик хотинининг **феъли хўйи**ни яхши билгани учун ўткан воқияларни, яъни Отабек сирларини унга очмаслиққа қарор берган бўлса ҳам, аммо маргилонлиқ келин ва қудаларнинг келишларидан хабар беришни лозим деб топди.”

Единицы **недалекий** и **феъли хўйи** (нрав, характер) по отдельности, образуют непривативное противоречие. Использование этих единиц в любом из этих языков, в зависимости от уровня понимания (уровень моральной, суеверной, культурной грамотности, социальной сферы) **феъли хўйи** имеет нейтральное отношение, а **недалекий** отрицательное отношение в зависимости от знака «мягкого или грубого». Следовательно, и в этом художественном переводе некоторые эвфемистические и дисфемические ситуации меняется функциями, которые несут в лингвокультурологии.

В оригинале «взбалмошенность» используется в переносном смысле как «неопытный в жизни», «незрелость», собственно, его «неполнота» должна означать не как «неопытность», а меньше половины мудрости, то есть немного выше, чем «неопытности» - ближе к «сообразительности». Но поскольку само слово «чала» (незавершенный, недоделанный, половина, незаконченный) имеет отрицательную окраску, в ситуации речи – в народном понятии, это сочетание считается отрицательной единицей. В языке перевода мы видим элементы этого переносного значения. Коннотация имеет эмоциональную ценность, и эта единица проявляется как продукт восприятия и размышления путем правильной оценки ментального существа на исходном языке, то есть “тот, кто делает все, что ему заблагорассудится, тот, кто безумен”. Функция эвфемизма, которая напрямую и непосредственно связана с речевой прагматикой, была использована более эффективно.

Как ни парадоксально, большинство грубых слов и фраз (дисфемизмов), то есть старых эвфемизмов, сначала приравнивали к табуированной лексике, а затем эти единицы намеренно были смягчены при описании таких тем, как болезнь, половое отношение и смерть, которые люди считали деликатными. В самом деле, уже не секрет, что такой обмен происходит и во внутреннем ресурсе языка. Мы можем проанализировать это с помощью узбекского слова «бокира» (“девственница”). В переводе «Анны Карениной» слово, употребленное в речи Левина, имеет определенную тонкость.

“Масалан, сен уйлангансан, сен бу ҳисни биласан... шуниси даҳшатлики, биз анчагина яшаган, ўтмишда... муҳаббат эмас, гуноҳ орттирган одамлармиз. Бирдан покиза, **бокира** бир вужудга яқинлашамиз; бу жирканч нарса, шунинг учун бундай одам ўзини нолойиқ деб ҳис этолмай туролмайди.” (5)

Табуированная версия этой единицы исчезла из узбекского языка, а арабская лексема «бокира», означающая «первый плод», была использована, чтобы смягчить ее. Так как употребление само табу вызывает дисфемистическую атмосферу. Теперь для того, кто слышит это слово, его скрытое значение потеряло свой эвфемистический характер и он постепенно заменяет табу в значении «незамужняя женщина», “девственница”. Положительная речь главного героя на языке оригинала сохраняется его отношение к деликатной теме, его внутренняя культура и его смущение.

“Вот ты женился, ты знаешь это чувство... Ужасно то, что мы – старые, уже с прошедшим... не любви, а грехов... вдруг сближаемся с существом чистым, **невинным**; это отвратительно, и потому нельзя не чувствовать себя недостойным”

То же самое можно сказать о словах «жонон» и «дўндикча». Он эвфемистичен по отношению к “женщине с легким поведением”; но дисфемизм для воспитанной и правильной женщины. Это слово, переместившееся в авторскую речь, на которой основывалась на отношении Левина, в переводе бросило тень на положительное качество Левина.

“Хотинлар кўпинча хунук, оддий одамларни яхши кўришади, деб эшитган бўлса ҳам,

бунга ишонмасди, чунки у бу нарсани ўзига қараб ечар, ўзи эса фақат чиройли, сирли ва жонон аёлларнигина яхши кўрарди.”

Эта единица в узбекском языке со временем потребовала эвфемистической оболочки. Но а в русском мы не видим такой ситуации

“Слыхал он, что женщины любят часто некрасивых, простых людей, но не верил этому, потому что судил по себе, так как сам он мог любить только красивых, таинственных и особых женщин.”

Выводы

В 1988 году А.М.Кацев резко разграничил эвфемизм и дисфемизм: дисфемизм не есть эвфемизм сниженного стиля. Дисфемизм является антиподом, а не разновидностью эвфемизма. Дисфемизм противоположен эвфемизму, но не в стилистическом, а в ассоциативно-денотативном плане. (2) Но, на наш взгляд, и в этих выводах есть правда. Оба явления носят оказывающий характер, они постоянно меняются, всегда новые. В отличие от одного только дисфемизма, эвфемизм имеет свойство со временем становиться лингвистической единицей и, в то же время, также может потерять свой эвфемистический характер. Это связано с частым использованием. Как говорит О.Д.Пастухова, со временем эвфемизмы неприятных вещей становятся неэффективными, потому что они внезапно начинают звучать неприятно при описании любого деликатного предмета, с ясностью и точностью их смысла. (4) А дисфемизмы характеризуются отрицательной силой, ортофемами не становятся никогда.

В заключение прежде всего напомним, что Санджар Сиддик разделил возникающие при переводе ошибки на три:

“Ошибка первого типа является результатом необразованность, незнания языка и непонимания того, что слова имеют разное значение в зависимости от их места.

Второй тип ошибок является результатом незнания синонимов языка, богатства словарного запаса языка, то есть отчуждения от внутреннего содержания конкретных выражений каждого языка, и, наконец:

Третий тип ошибок вызван небрежностью при переводе предложений и содержания.” (7)

Подобные ошибки приводят к путанице эвфемических и дисфемических единиц, в результате чего дух исходного языка не отражается на языке перевода.

Во-вторых, в самом конкретном языке понятие имеет более одного названия. Например, в узбекском языке значение «обманщик, решающий любое дело в свою пользу» выражается в 15 лексемах: *айёр, мугомбир, хийлагар, қув, устомон, маккор, доғули, мўлтон, қилвир(и), шайтон, тулки, туллак, қирриқ, хирпа, мастон*, в которых по значению соответствует к значениям хитрый, мошенник, лукавый, обманщик, клеветник, черт, лиса. Это также показывает, что связь между значением и именем не естественна. Выбор подходящего требует большого опыта, ответственности и знаний переводчика. Поскольку синонимический ряд имеет номинативно-образные значения, базовые и производные значения, отрицательно-положительные значения, однозначно-многозначные значения, при художественном переводе следует уделять внимание его аспектам, которые могут играть эвфемистическую и дисфемическую функцию в речевой ситуации.

В-третьих, каждый язык имеет собственные эвфемистические/дисфемические перемены ситуации в результате развития собственного речевого приложения, которое не имеет права небрежно использовать их при переводе, исказить в психологическом воображении ученика, изменять национальный дух.

Referenses

1. Kadiri A. The past days. (translated by Mukhammadnodyr Safarov). -Tashkent: Shark. 2009.430 p.
2. Katsev A.M. Linguistic taboo and euphemia / A.M.Katsev. -L.: Leningrad. state ped. in-t them. A.I.Herzen, 1988. - 75 p.
3. Moskvina V.P. Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language. -Volgograd: Lenand, 2010. -264 p.
4. Pastukhova OD From euphemism to dysphemism. // Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects. Proceedings of the VIII International Scientific Conference, Chelyabinsk, April 20-22, 2016. From: Encyclopedia. S. 329-331
5. Tolstoy L. Anna Karenina (translated by Mirzakalon Ismoilov). – T.: Gofur Gulom. 1980.
6. Tolstoy L. Anna Karenina. "Eksmo", 1878 - (Library of World Literature). -165 p.
7. History of literary translation in Uzbekistan. Edited by S. Mamajonov. -T., "Fan", 1985. -176 p.
8. Khadjimusaeva N.N, Ergashev O. On stylistic features of face, beauty, Turkish synonyms in "Orzigul".//Current issues of defectology. Materials of the Republican scientific-practical conference. May 30, 2016. - Tashkent: TDPU. 2016. B. 217-219
9. Hakimova M. Semasiology. Study guide. -Tashkent: HT "Khamidov N.X" printing company, 2008. -100 p.
10. Secrets of the word Cholpon. -Tashkent: Ma'naviyat, 2002. Electronic resource: [http:// myuldashev.blogspot.com/2015/03/blog-post_19.html](http://myuldashev.blogspot.com/2015/03/blog-post_19.html)
11. Teliya V.N. The connotative aspect of the semantics of nominative units. -Moscow: Nauka, 1986.S. 5 - 143 p.
12. Kadirova Kh.B. Adaptation of the strategy and tactics of dysphemization of political concepts. // Scientific electronic journal "Innovations. The science. Education. -Togliatti: -2021. -No. 33 (May). <https://elibrary.ru/item.asp?id=46168731>
13. Kadirova Kh.B. Euphemic and dysphememic meaning in structural and pragmatic analysis // "World Science" №4 (49) 2021. https://6f11d5b6-a34f-44d4-b696-52ed0e72afa9.filesusr.com/ugd/b06fdc_ae9b8316d0934efc97e38002e89e1411.pdf?index=true
14. Kadirova Kh.B. Paradigmatic relations of euphemisms and dysphemism's with closely-related phenomena. //Teaching foreign languages: theory and practice. Moscow, "Science", 2017 №4 / 4 (71).
15. [https://www.researchgate.net/publication/337307193 PARADIGMATIC RELATIONS OF EUPHEMISM AND DYSPHEMISM'S WITH CLOSELY-RELATED PHENOMENA](https://www.researchgate.net/publication/337307193_PARADIGMATIC_RELATIONS_OF_EUPHEMISM_AND_DYSPHEMISM'S_WITH_CLOSELY-RELATED_PHENOMENA)

Göndərib: 25.09.2021:

Qəbul edilib: 14.10.2021